

Поиск быка

На пастбище этого мира
я бесконечно отклоняю высокую траву в попытках найти быка.
Пока я бродил вдоль берегов безымянных рек,
потерявшись на перепутьях отдаленных гор,
моя сила иссякла и энергия истощилась, и я не могу найти быка...
Я слышу только стрекот цикад ночью в лесу.

Комментарий

Бык никогда не терялся. Зачем тогда его искать? Я не могу его найти только потому, что отделен от своей истинной природы. Запутавшись в своих ощущениях, я не вижу даже его следов. Далеко от дома виднеется множество перекрестков, но какая дорога верна, я не знаю. Жадность и страх, хорошее и плохое сбивают меня с пути.

Обнаружение следов

Вдоль реки под деревьями
я вижу следы!
Я вижу их даже под пахучей травой.
Они есть даже в отдаленных горах.
Эти следы не могут больше ускользнуть от того,
чей взгляд направлен прямо в небо.

Комментарий

Начиная постигать учение, я вижу следы быка. Затем я понимаю, что, как и всевозможная утварь сделана из единого металла, мириады живых существ сотворены из единой ткани. Пока я не пойму это, как мне отличить истину от не-истины? И хотя я еще даже не вошел в ущелье, я уже разглядел тропу...

Мы отправляемся в редкое паломничество. Десять быков дзен — это нечто уникальное в истории человеческого сознания. Истину пытались выразить множеством различных способов, но каждый раз она оказывалась невыраженной, что бы для этого ни предпринимали. Сколько бы вы ни пытались ее описать, она ускользает, скрывается. Она избегает всяких описаний. В словах, которые вы говорите в попытке выразить истину, ее нет. В момент, когда она высказана, тут

же возникает разочарование — как будто что-то существенное осталось в стороне, а проявилось только поверхностное. Десять быков дзен стали попыткой выразить невыразимое, поэтому сначала я расскажу вам историю возникновения этих десяти быков.

Изначально изображений было не десять, а восемь, и это были не буддийские, а даосские картинки. Никто не знает, откуда они появились, кто автор этих рисунков, но в двенадцатом веке китайский дзен-мастер Какуан перерисовал их, добавив еще два рисунка, в результате чего их стало десять. Даосские изображения заканчиваются на восьмом рисунке, восемь — это пустота, ничто. Но Какуан добавил еще два. И это стало истинным вкладом дзен в религиозное сознание.

Когда человек отправляется во внутреннее путешествие, он оставляет этот мир; он отбрасывает все, что служит препятствием на пути, отбрасывает несущественное, чтобы найти существенное. Чтобы легче было идти, он пытается освободиться от груза, потому что этот путь ведет к вершине, к высочайшей из возможных вершин — к самому пику человеческих возможностей, к кульминации. Человек оставляет, отвергает мир, и не только мир — он отвергает также и ум, потому что ум есть источник возникновения всего этого мира. Мир, полный желаний, полный страстей, — это всего лишь внешняя часть. Внутренняя часть — это ум, ум желающий, похотливый, завистливый, соревнующийся, полный мыслей, и именно он является семенем.

Человек отвергает внешнее, но отвергает также и внутреннее. Он становится совершенно пустым. Но является ли это последним шагом? Даосские изображения заканчиваются на пустоте, *ничто*. Но Какуан говорит, что это еще не конец — человек должен вернуться обратно в мир, обратно на рыночную площадь, и только тогда круг замыкается. Конечно, он возвращается совершенно другим, он не несет ничего из прошлого: прошлое ушло, ушло навсегда. Он приходит полностью обновленным, воскрешенным, рожденным заново. Он приходит совершенно новым и девственным —

как будто этого человека никогда раньше не существовало. Человек возвращается в мир и снова начинает жить в нем, но при этом он живет вне мира. Он снова ведет обычную жизнь — рубит дрова, носит воду из колодца, гуляет, сидит, спит; он становится совершенно обычным. Но глубоко внутри пустота остается незатронутой. Он живет в мире, но в его уме мира нет, в нем самом он отсутствует. Человек живет незатронутым, подобно цветку лотоса.

Эти две картинки возвращают искателя обратно в мир, и Какуан сотворил нечто невероятно прекрасное! Человек приходит на рыночную площадь, но это еще не все... Он приходит с бутылкой вина, пьяный, опьяненный божественным, чтобы помочь другим людям тоже стать опьяненными, ведь среди них много тех, кто жаждет, кто ищет, кто заблудился, кто находится в темноте. Человек возвращается обратно в мир из сострадания; он помогает другим путникам добраться до цели. Сам он уже прибыл — теперь он помогает другим. Он стал просветленным и помогает другим двигаться к той же цели. А каждый человек стремится только к одной-единственной цели...

Восемь даосских быков хороши, но их не достаточно; эти быки прекрасны, но им чего-то не хватает. Пустота совершенна, но возможно еще большее совершенство. Пустота совершенна — но позвольте мне повторить: существует еще большее совершенство, которого можно достичь. Пустота совершенна в негативном смысле — вы все отвергли, это негативно, но вы все еще не любите... не хватает позитивного. Несчастье ушло, страдание исчезло, но вы все еще не экстатичны. Вы достигли безмолвия, и это безмолвие прекрасно, но оно все еще не является переполнением, наполненностью, оно все еще не превратилось в блаженный танец вашего существа.

И Какуан выходит за пределы даосизма и буддизма, потому что и то, и другое оканчивается пустотой — как если бы путешествие на этом завершилось. Вы достигли Эвереста; вы сосредоточены, спокойны, невозмутимы. Зачем теперь возвращаться назад, на рыночную площадь? Но если ваша

медитация не становится состраданием, значит, в ней все еще скрывается эго, значит, она все еще является личной.

Если из ваших глаз не текут слезы, если вы не плачете из-за других и не пытаетесь двигаться обратно в мир, чтобы помочь тем, кто задержался в пути, ваша медитация все еще не является религиозной. Медитация помогла вам, и вы можете чувствовать себя превосходно, но пока она не превратилась в сострадание и не начала изливаться во всех направлениях, это дерево не будет расти и не принесет цветов. Сейчас дерево зеленое, здоровое, оно выглядит великолепно, но без цветов оно все еще не достигло своей реализации. Дерево, которому не хватает цветов, может выглядеть очень красиво, но существует еще большая красота, которую можно достичь. Дерево должно расцвести, оно должно высвободить свой аромат и отдать его ветру, чтобы он долетел до самых дальних уголков Вселенной.

Какуан возвращает искателя обратно в мир. Конечно, теперь он совершенно другой, поэтому и мир не может быть тем же самым. Он приходит на рыночную площадь, но продолжает пребывать в медитации, и теперь рынок не способен его отвлечь. Если рыночная площадь вас раздражает, значит, ваша медитация все еще не завершена. Если что-то способно вас отвлечь, значит, ваша медитация принудительна — вы принуждаете себя быть спокойными, вы каким-то образом контролируете себя. Ваша медитация все еще не спонтанна, это не естественный поток. Медитация не случилась с вами — это вы заставили ее случиться. Поэтому, когда вы попадаете на рыночную площадь, страх возвращается.

В Гималаях можно встретить множество саньясинов, которые застряли на восьмом быке: они пусты и молчаливы. У них все хорошо — но это самое большее, что можно сказать. У них все в порядке — но они не цветут, не источают аромат. Их свет по-прежнему горит только для них самих, и в этом есть некоторое уродство; при первом взгляде этого можно не заметить, но если вы взгляните глубже, вы увидите это. В самом начале пути правильно быть эгоистом — в про-

тивном случае вы никогда не вырастаете, но в конце, когда медитация приходит к истинному завершению, к крещендо, это, концентрация на себе должны исчезнуть. Вы должны стать едиными с Целым.

Но это еще не все! Какуан говорит, что человек приходит с бутылкой вина. Это чрезвычайно важно! Человек приходит, опьяненный божественным. Он не только молчалив — он танцует, поет; он творит. Он не превращается в беглеца и не прячется в пещере: теперь он настолько свободен, что нет никакой причины где-либо скрываться. Теперь свобода — его неотъемлемое качество. Мир превращается в новое приключение. Круг завершен: из мира — обратно в мир; отправившись в путь с рыночной площади, вы заканчиваете в том же месте. Конечно, вы совершенно другой, потому что теперь рыночная площадь для вас столь же прекрасна, как и молчаливые Гималаи, — разницы нет. А люди продолжают страдать от жажды... Вы помогаете им, вы указываете им путь.

Будда говорил, что, когда кто-то становится *сиддхой*, достигает реализации, существуют две возможности. Или он остается удовлетворенным своим достижением и никуда не двигается, — и тогда он будет похож на водоем со стоячей водой, свежий, спокойный, молчаливый, без единой ряби, но это стоячий водоем, не текущая река. Будда использовал два слова. Когда человек превращался в водоем, он называл его *архат*. Архат означает того, кто достиг совершенства, но не поддерживает никаких отношений с другими людьми. Второе слово — *бодхисатва*. Если ваша медитация расцветает в сострадание, вы становитесь бодхисатвой: вы помогаете другим и делитесь с ними своим экстазом.

Какуан нарисовал десять картинок, олицетворяющих поиск человека, — а человек и есть этот поиск; он не только исследователь, но также и исследование. Поиск начинается с момента зачатия. Если спросить ученых, они расскажут, что в момент соединения мужчины и женщины мужчина выбрасывает миллионы сперматозоидов, которые начинают двигаться в сторону женской яйцеклетки. Сперматозоиды не знают, где находится яйцеклетка, но «бегут» изо всех сил.

Их поиск начался. Эти клетки микроскопического размера — но они ищут яйцеклетку! И только один сперматозоид достигнет цели, другие погибнут в пути. Но один доберется до яйцеклетки и будет рожден на свет. С этого момента начинается поиск, начинается исследование. И оно продолжится до самой смерти.

Сократ умирал... Его ученики, естественно, начали плакать и причитать, но Сократ сказал: «Прекратите! Не беспокойте меня — дайте мне исследовать смерть. Не отвлекайте меня! Поплакать вы сможете и позже, я скоро уйду, но сейчас позвольте мне понять, что такое смерть. Всю свою жизнь я ждал момента, когда можно будет войти в реальность смерти».

Ему дали яд. Он лежал в кровати и наблюдал свою смерть. Он сказал ученикам: «Мои стопы онемели, но я по-прежнему такой же. Я ничего не потерял. Мое ощущение себя в точности такое, какое было до этого. Стопы мертвы». Затем он сказал: «Мертвы все мои ноги полностью, но я все тот же. Я не могу сказать, что меня стало меньше. Я остаюсь целостным». Затем он отметил: «Начинает неметь желудок, начинают неметь руки». Но он был очень взволнован, экстаичен. Он сказал: «Я по-прежнему говорю, я все тот же! От меня ничего не убавилось». Он улыбнулся: «Значит, рано или поздно смерть заберет также и сердце — но она не сможет забрать меня! Мои руки мертвы, теперь начинает слабеть сердце, и, должно быть, это мои последние слова, так как у меня немеет язык... Но я говорю, и запомните эти слова: я все тот же, я целостен».